

И. С. Зверева

РУМЯНЦЕВСКИЙ МУЗЕЙ —
ФИЛИАЛ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

(1845 — 1861 гг.)

По материалам Отдела архивных документов и Отдела рукописей РНБ

Граф Н. П. Румянцев

На протяжении шестнадцати лет, с 1845 по 1861 годы, обширная коллекция рукописей, печатных изданий, картин, скульптур, этнографических и археологических предметов, монет, минералов, гербариев графа Николая Петровича Румянцева (1754 — 1826), известная как «Румянцевский музей», находилась в составе Императорской Публичной библиотеки.

Об основателе этой коллекции написано немало, ему посвящены не только многочисленные статьи, но и книги¹. Разнообразная и плодотворная деятельность графа Румянцева на административном и дипломатическом поприще, в области издательского дела и в особенности как ученого-коллекционера не только хорошо освещена в литературе, но и до сих пор продолжает привлекать внимание исследователей. Многие написаны также о его собраниях, об истории создания и судьбе «Румянцевского музея». Значительное внимание этим темам уделено, в частности, в изданиях XIX века, вышедших к пятидесятилетию открытия музея для публики, в монографиях, посвященных истории нынешней Российской государственной библиотеки (созданной на основе «музеума»), в книге О. Д. Голубевой о князе В. Ф. Одоевском², в ряде других публикаций³. Большое место отводится этому в сборниках «Румянцевские чтения»⁴.

При видимом обилии публикаций, шестнадцатилетняя история Румянцевского музея в составе Императорской Публичной библиотеки и роль последней в основании «Московского публичного музеума и Румянцевского музеума» освещены все же недостаточно. Существуют исследования, в которых об этом даже не упоминается, — например, очерк одного из директоров московской библиотеки А. К. Виноградова «Судьба Румянцевского музея» (1922)⁵. Частично этот период деятельности музея отражен в вышеназванной книге О. Д. Голубевой и монографии В. Ф. Молчанова⁶.

Попробуем дополнить обозначенный сюжет, по возможности не повторяя общеизвестных фактов.

Напомним, что указ Сенату об учреждении «Румянцевского музеума» и подчинении его Министерству народного просвещения был подписан императором Николаем I 22 марта 1828 года⁷. Для посетителей музей был открыт 23 ноября 1831 года⁸. Заведовал им на общественных началах в звании старшего библиотекаря А. Х. Востоков, совмещавший эту должность с должностью хранителя в Отделении рукописей Императорской Публичной библиотеки. Совмещали работу в музее со службой в других учреждениях и остальные сотрудники музея: два библиотекаря (в то время это были Ю. Джексон и А. де Сен-Тома) и помощник библиотекаря, он же смотритель за домами — А. В. Терещенко (о котором А. Е. Викторов писал как об единственном компетентном сотруднике Востокова)⁹. Кадровый состав музея часто менялся.

Его единственным постоянным сотрудником оставался заведующий без жалования. При музее состояла сторожевая команда из семи человек. В румянцевский комплекс входило два здания: большой дом, на Английской набережной (здесь размещался музей), и малый, на Галерной улице.

К середине 1840-х годов финансовое положение музея и состояние его текущих дел потребовали организационной перестройки. В мае 1844 года товарищу (заместителю) министра народного просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову было поручено организовать проверку «наличности принадлежностей» музея и разработать проект его дальнейшего развития¹⁰. Востоков, по его собственному прошению, был уволен, а на его место «предписано чиновнику особых поручений при Г.[осподине] Министре Статскому Советнику Лобанову¹¹ вступить в исправление обязанностей Старшего Библиотекаря и принять от Г.[осподина] Востокова всю собственность заведения»¹². В результате проверки выявились значительные недостатки в работе музея: отсутствие полного и грамотно составленного справочного аппарата, недостачи в фондах, плохая организация последних. О справочном аппарате библиотеки музея сообщалось, «что все описи и каталоги, составленные кем-то еще при покойном Канцлере, весьма неисправны и ни при одном сочинении не выставлены томы, оные составляющие, а везде поставлена только единица <...>. Книги внесены в каталог иногда нелепым образом <...>. И поэтому приискание книг в каталоге не только трудно, но даже мучительно. В последствии времени надобно будет составить новые каталоги»¹³. Находились в самых неожиданных местах неучтенные книги и рукописи, в то же время обнаруживались недостачи учтенных материалов. Библиотечный фонд перепроверялся несколько раз. Так, в одной из записок товарищу министра Лобанов доложил: «Эта новая поверка сделалась необходимою, когда из 184 сочинений, показанных несуществующими в Музеуме, нашлось 125, а еще более, когда я увидел в каталоге много книг безо всяких отметок, которых на требования мои не могли мне представить»¹⁴. В другой записке он же сообщил: «Увидав в сарае Румянцевского Музеума ящик с изодранными и испачканными бумагами, оставленными в добычу кошкам и мышам, я велел перенести его в залы, разобрал его и, к крайнему моему изумлению, между грудями грязи и всякой нечистоты нашел следующие акты, сохранившиеся в совершенной чистоте: 1) Рескрипт Императрицы Екатерины II к Фельдмаршалу Графу П. А. Румянцеву 1769 года, Апреля 21 д.[ня], 2) Указ Казенной Палаты Киевского Наместничества, подписанный Императрицею Екатериною 1794 г., Апреля 27 д.[ня]»¹⁵. Всего в этой докладной записке названы пять обнаруженных документов. Многочисленные докладные записки, связанные с проверкой, показывают, «в какое расстройство при-

шли дела Музеума». В регулярных отчетах Лобанова встречаются разнообразные интересные сведения. Так, он написал однажды: «Роясь в бумагах и пересматривая разные записочки, я извлекаю немалую пользу. Недавно (5 Сентября) добыл от Г.[осподина И. П.] Сахарова не достававший у нас один том Библии Скорининой, 1519 года, и еще добровольно принесенный им один том сочинения Alberti Fabricii, пополнивший дефекты, а от Г.[осподина Х. Д.] Френа получил я Lexicon Syriacum per Castelli, да еще добродушное его извещение, что у него находится еще 5 сочинений книг и Восточных рукописей. Сих последних вовсе нет в наших каталогах. Вероятно еще и при жизни Канцлера многое разбрелось по миру»¹⁶. После смерти В. Г. Анастасевича, проживавшего в помещении на заднем дворе «большого дома», у него нашлись принадлежащие музею книги и рукописи. «Покойный Анастасевич, пользовавшийся оными еще при жизни Канцлера Гр.[афа] Румянцева, — объяснялось в докладной записке, — имел всегда свободный вход в эту Библиотеку и пользовался нужными книгами и рукописями, которые не всегда были возвращаемы»¹⁷.

Ревизии подверглись все коллекции музея. Смотрителю за домами О. К. Зимницкому¹⁸ было поручено составить опись «большого» и «малого» домов, которые «не имели полных и современных описей»¹⁹. Востоков, передававший дела Лобанову, вызывал у преемника искреннее сочувствие. В докладах о ходе проверки Лобанов старался смягчить отношение начальства к Востокову и подчеркивал: «Г.[осподин] Востоков, всedневно посещая Музеум и разделяя общие труды, разобрал все бумаги покойного Канцлера и составил (вчерне) рукописям на разных языках, не вошедшим в каталоги, новую опись, заключающую в себе около 100 номеров»²⁰.

Из прежних сотрудников в музее остались работать младший библиотекарь К. А. Сен-Жульен²¹ и смотритель за домами О. К. Зимницкий²². Кандидатов на вакантные места отбирали строго, рассматривая их образовательный ценз и профессиональные качества. Так, были приняты младшим библиотекарем К. И. Кестнер²³, помощником библиотекаря — известный поэт А. Н. Майков²⁴. Лобанов пристально следил за работой новичков и остался ими доволен. «Новые чиновники, — доложил он начальнику, — усердно трудятся. Г.[осподин] Майков <...>, которому я вверил одну половину Иностранной Библиотеки, принимает ее в свое заведывание и тщательно поверяет уже пятую тысячу книг с каталогом. Г.[осподин] Кестнер, Адъюнкт-профессор Александровского лицея, допущенный с разрешения Вашего Сиятельства к делам Музеума <...>, весьма трудолюбив и тщателен. Он продолжал и кончил поверку Русской Библиотеки»²⁵. Впоследствии на место Май-

кова, перешедшего на работу в другое учреждение, был принят Е. Е. Навель²⁶.

14 марта 1845 года Лобанов доложил князю Ширинскому-Шихматову об окончании проверки²⁷. Ее результаты были отражены в описях и обстоятельных докладах. В свою очередь, Ширинский-Шихматов представил подробный отчет министру народного просвещения графу С. С. Уварову, уделив в нем особое место ходатайству о снисходительном отношении к Востокову, «этому маститому старцу, трудолюбивому и заслуженному филологу, принесшему своими трудами значительную пользу Русскому языку и Словесности»²⁸. Согласно отчету князя, недостачи в библиотеке Востоков обнаружил еще до открытия музея, при перемещении ее «из верхнего этажа в средний», но полагал, что «недостающие книги могли быть самим хозяином отданы разным особам, о чем по смерти Графа нельзя было ни от кого узнать, [и] не считал за нужное доносить о том начальству, полагая, что библиотека частного человека, жертвуемая в казну, должна быть принята в том виде, в каком она есть»²⁹. Выдача книг и рукописей без расписок, на доверии, практиковалась и самим Востоковым, и другими служащими музея. Эта история имела для Востокова неприятные последствия. Так, на представление его к очередному знаку отличия беспорочной службы глава Министерства императорского двора князь П. М. Волконский ответил: «Нахожу, что по неисправности и упущениям его он не может быть удостоен к перемене знака отличия беспорочной службы»³⁰.

Однако при малочисленности штата, необходимости всем сотрудникам музея совмещать службу в нем со службой в других местах, трудно было организовать на должном уровне работы по хранению коллекций музея, созданию полноценного справочного аппарата к ним и обслуживанию посетителей. Это стало вполне ясно, как и то, что сменой руководства, персональным обновлением штата, ужесточением требований к работе музея состояние его дел не исправишь. Князь П. А. Ширинский-Шихматов пришел к заключению, что необходимо изменить основы устройства музея. Он сообщил своему шефу, министру народного просвещения графу С. С. Уварову (а затем и директору Императорской Публичной библиотеки Д. П. Бутурлину³¹), «о необходимости дать Музеуму Устав и Штат, более сообразные с нуждами оною. / Вместо Старшего Библиотекаря — каковое звание <...> названо почетным, и потому не назначено ему жалованья <...>, — полагал я возложить начальство Музеумом на Директора, с приличным жалованьем и с ответственностью пред Правительством на общем основании. Нынешних двух Младших Библиотекарей и одного Помощника Библиотекаря, с соединением в лице последнего и должности Смотрителя за домами, признавал я ре-

шительно недостаточным для неупустительного исполнения лежащих на сих званиях обязанностей. По моему мнению, надлежит иметь в Музеуме по крайней мере трех Библиотекарей и особого Смотрителя за домами, который исправлял бы вместе [с тем] и должность Письмоводителя. Сверх того я находил нужным возвысить скудные оклады жалованья лицам, служащим в Музеуме, дабы Министерство не было вынуждено, как ныне, ходатайствовать об определении в оный лиц, имеющих уже другие должности, а могло бы без всякого затруднения избирать в Библиотекари людей в полной мере способных и благонадежных, которые бы посвящали себя исключительно этому званию»³².

Граф Уваров одобрил этот проект, но так как проектируемый штат музея требовал «ежегодной прибавки из Государственного Казначейства до 1500 рублей серебром», он 11 июля 1845 года обратился с докладом к императору Николаю I³³. 12 июля тот наложил на докладе следующую резолюцию: «Рассмотреть в Комит.[ете] Министр.[ов], есть ли польза в существовании отдельно сего Музеума? и не удобнее ли присоединить оный к одному из существующих, чем вовлекать Казну в бесполезные, новые издержки?»³⁴

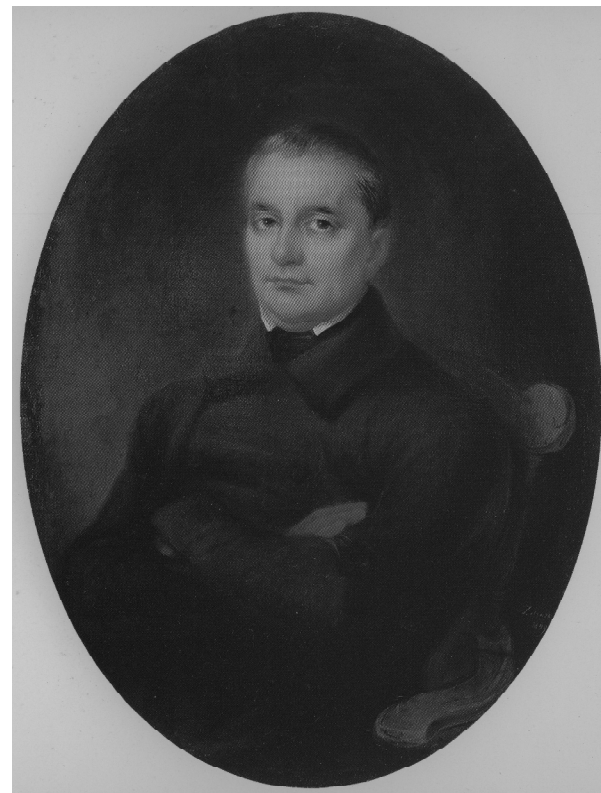
После этого князь Ширинский-Шихматов был вынужден заняться вопросом о присоединении музея к подходящему учреждению, и его выбор пал на Императорскую Публичную библиотеку. Князь написал Д. П. Бутурлину: «Из заведений, к которым бы можно было присоединить Румянцовский Музеум, находятся здесь два: С.-Петербургский Университет и Императорская Публичная Библиотека, <...> я отдаю преимущество последнему, по ближайшему сходству и большему единообразию в цели и назначении его с Румянцовским Музеумом. Такое присоединение должно ограничиться подчинением Музеума Начальству Публичной Библиотеки, без слияния однако самых заведений, дабы Румянцовский Музеум не утратил своего особого характера, данного ему, по желанию учредителя, еще при жизни его, и чтобы воля основателей в этом отношении сохранилась без нарушения»³⁵.

Этот проект был одобрен Комитетом министров 21 августа 1845 года и утвержден императором Николаем I, с указанием оставить «Румянцовский Музеум при настоящем наименовании и в занимаемом им ныне доме»³⁶. 6 сентября директор Императорской Публичной библиотеки доложил в Министерство народного просвещения: «1-го числа сего Сентября я принял под мое Начальство все заведение Румянцовского Музеума»³⁷.

Таким образом, библиотека получила в управление учреждение с самостоятельным статусом, автономными правами, отдельными бюджетом и штатом. Наравне с библиотекой музей вел собственную отчетность и представлял ежегодные отчеты — как по основной деятельности, так и финан-

совые — непосредственно в руководящее министерство (сначала народного просвещения, а с 1850 года — Императорского двора). Общих отчетов обоих учреждений не существовало. Контроль над деятельностью музея и финансовые ревизии также проводились отдельно от Императорской Публичной библиотеки.

Д. П. Бутурлин

После инвентаризации имущества музея Бутурлин должен был представить на рассмотрение Министерства народного просвещения проекты «Устава» и «Штата» Румянцовского музея, а также кандидатуру на должность его заведующего. 27 мая 1846 года «Устав» и «Штат» музея были утверждены императором³⁸. В 5-м параграфе «Устава» подчеркивалось, что Румянцовский музей «имеет свою печать с Государственным гербом». В этом же документе было закреплено положение о заведовании музеем — оно

возлагалось теперь на помощника директора библиотеки. 9-й параграф регламентировал квалификационные требования: «В Библиотекари могут быть определяемы только лица, хорошо знающие языки: Русский, Латинский, Греческий, Немецкий и Французский; но в замену Греческого языка может быть допущено знание Английского или какого-либо Восточного языка»³⁹. 10-м параграфом запрещалось работать в музее по совместительству: «Не могут быть определяемы в Библиотекари обязанные другими должностями, препятствующими им заниматься ежедневно в назначенные в Музеуме часы»⁴⁰. В целом, новый «Устав» был похож на предыдущий. Музей, как и раньше, по понедельникам был открыт для всеобщего обозрения, в остальные дни, кроме воскресенья и праздников, работал с 10 до 15 часов, обслуживая читателей. В июле музей закрывался на месяц. Для упорядочения деятельности учреждения были разработаны правила обслуживания. В них, в частности, оговаривалось: «Одному Директору предоставляется право брать книги из Музеума на дом, для нужных ему справок, однако ж не иначе как под расписку свою в особой книге, в которую должны быть записываемы все сочинения, взятые из Музеума, по какому бы то случаю ни было»⁴¹. Организациям и отдельным лицам книги могли выдаваться из музея только по письменному разрешению директора библиотеки. «Если Директор найдет сделанное требование неуместным, то прежде удовлетворения оно испрашивает разрешения Министра Народного Просвещения». Особо подчеркивалось: «Ни одна книга не должна оставаться вне Музеума более 6-ти месяцев»⁴².

Новый штат музея состоял из трех библиотекарей, смотрителя за домами — письмоводителя, писца высшего разряда и семи вольнонаемных столовых. В отличие от прежнего штата, в нем появились должность заведующего (которому полагалось жалование) и отдельная должность смотрителя за домами — письмоводителя. Были упразднены звания младшего библиотекаря и помощника библиотекаря, все три штатные единицы были преобразованы в должность библиотекаря. Проект штата, составленный Бутурлиным, предусматривал жалование библиотекаря 514 рублей и 214 рублей столовых, смотрителя за домами (и письмоводителя) — 285 рублей и 57 рублей столовых, писца высшего разряда — 171 рубль⁴³. В утвержденном же штате эти цифры заметно снизились: библиотекарю было назначено жалование 345 рублей и 87 рублей столовых, смотрителю — 228 рублей и 45 рублей столовых. В примечании оговаривалось также, что, поскольку бюджет музея формируется с учетом дохода от сдачи в наем его квартир, на оплату работы писца денег не предусматривается: «Замещение вакансии писца высшего разряда может быть отложено до возвышения дохода от найма квартир»⁴⁴.

Особое внимание руководства обращал Бутурлин на должность помощника директора, функции которого должны были стать поистине всеобъемлющими. По «Уставу», помощник директора должен был «сверх обязанностей своих по Императорской Публичной Библиотеке <...> печься о сбере-

Князь В. Ф. Одоевский

жении домов Румянцовского Музеума и хранящихся в оном рукописей, печатных книг, картин, эстампов и прочего от пожаров, повреждения, утраты и расхищения <...>, заботиться о точном соблюдении заведенного порядка, об успешном производстве занятий, предначертанных Директором, и вообще об исполнении обязанности каждым из чиновников Музеума», а также «по возможности» пополнять библиотеку⁴⁵. Бутурлин написал в министерство: «Доселе Помощнику Директора Императорской Библиотеки не полагалось никакого жалованья, но из сего происходит, что более десяти лет сие место не занято и нет никого желающего получить оное»⁴⁶. Бутурлин считал, что помощник директора должен иметь «жалования 1002 рубля, да столовых

600 рублей <...>. Но если бы представление мое по сему предмету не было принято, то для доставления пристойного оклада Помощнику Директора, я бы полагал отменить положенные Директору Императорской Библиотеки столовые 857 рублей 14 копеек и обратить оные деньги на пополнение столовых Помощнику Директора и Библиотекарей Музеума <...>, ибо по убеждению моему, справедливее оставить без всякого оклада Главного Начальника, чем занимающего под его начальством второстепенную должность»⁴⁷.

Директору Императорской Публичной библиотеки было предписано до «приискания <...> к определению в должность Помощника Директора Публичной Библиотеки способного чиновника <...> поручить исправление сей должности по Музеуму старшему по чину из Библиотекарей оногo»⁴⁸. 5 июля 1846 года Бутурлин представил на эту должность К. А. Сен-Жульена. Однако тот занимал ее очень недолго: 1 августа уволился «по расстроенному здоровью» и уехал в Париж⁴⁹.

12 июля 1846 года помощником директора библиотеки был утвержден князь Владимир Федорович Одоевский⁵⁰. Ему был положен оклад 1002 рубля и 450 рублей столовых.

Известно, сколько сил и времени тратил князь Одоевский на решение проблем, связанных с ремонтом и содержанием домов музея, какие меры и проекты предлагал он по капитальному устройству «большого дома». Эта сторона истории Румянцевского музея петербургского периода освещена в литературе⁵¹. Состояние зданий учреждения было его слабым местом и предметом постоянного беспокойства заведующего. Уже в 1846 году оба дома музея нуждались в починке печей, в плотницких, столярных, штукатурных и малярных работах, в перестройке отдельных помещений и прочем⁵². На всем протяжении службы в музее Одоевский разрабатывал и предлагал различные варианты по изысканию средств на перестройку домов или приобретение других помещений для музея, — о чем свидетельствуют его многочисленные рапорты. Так, в 1850 году в записке, озаглавленной «Предложения к улучшению», он рассмотрел возможность получить необходимую для музея сумму от продажи дублетов минералогической коллекции. В этой записке князь написал, в частности: «Недостаток средств Музеума, останавливающий всякое действие, позволяет Начальству его лишь желать необходимых улучшений и стараться между тем поддерживать учреждение, не выходя из границ способов ему предоставленных, ожидая от времени их усиления»⁵³. Мысли о способах улучшения положения музея не давали Одоевскому покоя с самого начала его заведования, ими проникнута и его частная переписка, в которой порой звучат ноты отчаяния. Так, в феврале 1851 года князь написал барону М. А. Корфу: «Вчера, во время бала, и во всю ночь ду-

мал о предложении Вашего Превосходительства относительно Музеума <...>. Я не могу отвечать, чтобы при переделке старого, дурно построенного и 30 лет не исправляющегося дома — 30-ти тысяч было достаточно <...>; если я могу отклонить от себя официальную ответственность посредством архитектурной сметы, то не смотря на то, в случае неудачи, на мне останется нравственная ответственность <...>. Эта вторая ответственность бу-

Барон М. А. Корф

дет мне тяжелее первой»⁵⁴. Те же настроения прозвучали у него спустя несколько лет: «Ответственность тяжкая, когда будет беда, то, по крайней мере, общественное мнение не будет и знать о том, что я уже десять лет предвижу эту беду, надоедал об ней всем, даже лично покойному Государю, и употребил все, доступное человеку, для отвращения этой беды. За мною ос-

танется лишь бессмертная слава — погибели Музеума. Настаивать ли о деньгах на перестройку, т. е. о 30 т.[ысячах] рублей? Можно ли и думать об этом теперь? Позвольте мне изложить <...> ново-старую мысль, которая пришла мне, наконец, в голову. Теснота помещения в Библиотеке есть столь же реальное дело, как и близкая погибель Музеума. Дом Балабина⁵⁵, который рано или поздно, все [равно] сделается собственностью Библиотеки, теперь ей недоступен, разве за цену непомерную. Но рядом с Библиотекой есть на Александрийской площади большое место <...>. Библиотека могла бы быть доведена до самого Министерства Вн[утренних] Дел и образовать помещение как для себя, так и для Музеума, для которого достаточно одной двухэтажной <...> залы. Средства для сего — продать *оба* дома Музеума <...>. Здание может быть построено по произволению Библиотеки, например, как Британский Музей — без употребления дерева⁵⁶.

Известно, однако, что ни один из проектов князя Одоевского не был реализован. Здания поддерживались лишь неизбежным текущим ремонтом и с годами все больше ветшали. Это было обусловлено недостаточностью бюджета музея. По «Уставу» он должен был составлять 6850 рублей, из них государство выделяло 2283 рублей 70 копеек, а 4560 рублей 30 копеек музей должен был получать от сдачи в аренду «малого» дома и части помещений «большого»⁵⁷. Арендатором «большого дома» было правление Общества поощрения художеств, часть его квартир сдавалась чиновникам Министерства народного просвещения и других ведомств, а «малый дом» был целиком доходным. К 1856 году доход музея от сдачи квартир достиг 5393 рублей 79 копеек⁵⁸. Бюджет составлялся из расчета содержания штата музея, включая жалование и обмундирование сторожей, канцелярские расходы, покупку дров, ремонт и содержание домов, процентный сбор в Городскую думу. Денег на его развитие и комплектование не предусматривалось. 21-й параграф «Устава» гласил: «Помощник Директора печется о своевременном поступлении доходов с домов Музеума и, по возможности, об умножении оных, для доставления средства улучшить и пополнить Библиотеку»⁵⁹. Доходов от сдачи квартир в наем хватало лишь на содержание штата и мелкий текущий ремонт домов.

Не меньшего внимания требовала от Одоевского работа по руководству персоналом. Отметим, что оклады библиотекарей оставались невысокими, это приводило к определенной текучке кадров. По той же причине упомянутый выше 10-й параграф «Устава», запрещавший работать в музее по совместительству, строго не соблюдался. Например, Кестнер с самого начала совмещал работу в музее с преподавательской деятельностью. В сентябре 1846 года на вакантное место библиотекаря при Румянцевском музее был

зачислен по совместительству младший цензор Комитета цензуры иностранной Н. А. фон Берте⁶⁰, подтвердивший знание всех требуемых уставом иностранных языков. В прошении он написал: «Так как я, по званию Младшего Цензора Комитета Цензуры Иностранной, не обязан быть в Комитете, но имею право заниматься на дому, то я удобно мог бы, при настоящей моей должности, исполнять и должность Библиотекаря»⁶¹. Берте работал в музее четыре года, в сентябре 1850 г. он уволился⁶².

Князь Одоевский следил за равномерным распределением обязанностей служащих, своевременным представлением их к очередным чинам, премиям, наградам. Например, в октябре 1846 года он ходатайствовал о награждении О. К. Зимницкого произведением его в следующий чин за выслугу лет, в ноябре того же года Зимницкий был произведен в титулярные советники⁶³. Зимницкому приходилось совмещать разные обязанности (в частности, писца). Одоевский понимал, что это большая нагрузка, и обратился к директору Императорской Публичной библиотеки: «Вникнув в многочисленность писмоводства по Румянцевскому Музеуму по случаю введения в оном нового канцелярского порядка, существующего в Императорской Публичной Библиотеке <...>, я нахожу необходимым просить <...> о назначении в помощь Г.[осподину] Смотрителю писца»⁶⁴. По расчетам князя, доходы музея за первое полугодие 1846 года позволяли заполнить эту вакансию. На нее был принят воспитанник Гатчинского сиротского института Н. Николаев⁶⁵, который, согласно существующим правилам, должен был отрабатывать по месту назначения шесть лет. Но в апреле 1848 года Николаев лично обратился к императору с просьбой перевести его на военную службу и был определен в резервную дивизию 2-го пехотного корпуса⁶⁶. В том же году на должность писца был взят отставной губернский секретарь В. А. Солоницын⁶⁷. Это был очень способный человек, выполнявший работу, выходящую далеко за рамки его обязанностей. В 1850 году Солоницын был переведен библиотекарем на вакансию, появившуюся в связи с увольнением фон Берте⁶⁸. На нее по различным рекомендациям просилось несколько человек: служить в музее было престижно, и на появляющиеся вакансии всегда имелись претенденты. Одоевский был настроен решительно, он написал М. А. Корфу⁶⁹: «Долгом считаю донести Вашему Превосходительству для отражения всех наших нашествий <...>, что устранение Солоницына нарушит всю экономию моего маленького ведомства, ибо Солоницын будет хорошим Библиотекарем <...>, если ко времени открытия вакансии Солоницын не может быть определен, то я буду всепокорнейше просить Ваше Превосходительство прибегнуть к единственной спасительной в сих случаях мере, по моему мнению: к сравнительному конкурсу, в присутствии посторонних лиц». На этом заяв-

лении Корф написал: «Мне никогда и в мысль не приходило нарушать права Г.[осподина] Солоницына, а тем более еще его Начальства»⁷⁰. На освободившееся место Солоницына в сентябре 1850 года был принят В. А. Васильев⁷¹, который дольше других проработал чиновником по письму, но в 1858 г. уволился. После него должность писца непродолжительное время занимал И. З. Архангельский⁷², затем — А. В. Ильин.

В 1849 году по представлению Одоевского очередное повышение в чине получили Берге, Кестнер, Майков. Кроме того, «за отлично усердную службу» были пожалованы денежными премиями Берге — 350 рублей серебром, Майков — 345, Зимницкий — 228⁷³.

В июне 1851 года, в связи с переводом Кестнера в Рижский цензурный комитет, князь Одоевский ходатайствовал о выплате ему пособия в размере полугодового жалования, подчеркивая его особые заслуги. Он, в частности, написал, что Кестнер «до утверждения своего в должности библиотекаря, 5 месяцев безвозмездно участвовал в работах по пересмотру и устройству Музеума; а во время службы библиотекарем, сверх текущих дел по дежурствам и исправлению каталогов, по поручению Начальства привел в порядок бумаги, оставшиеся после Графа Николая Петровича Румянцева, собирал материалы для исторического описания Румянцевского Музеума»⁷⁴.

В июле 1851 года на вакантное место библиотекаря был принят редактор Департамента сельского хозяйства И. Ф. Штукенберг⁷⁵. В мае 1856 года он скончался⁷⁶. По этому случаю в частном письме к барону Корфу князь Одоевский написал: «Штукенберг простудился и умер <...>. Дверь моя осаждена просителями на это место. Я думаю, что все 60 миллионов русских жителей только и ждали смерти Штукенберга, чтобы поступить на его вакансию <...>. Честь имею предложить на это место Д.[ействительного] С.[татского] С.[ответника Б. А.] Враского⁷⁷ <...>. Ваше Превосходительство удивитесь, что я предлагаю моего, хотя и дальнего, по жене, родственника <...>, если Ваше Превосходительство не недовольны мною, то смею Вас уверить, что Враский во 100 раз лучше меня. <...> Он человек, закаленный на службе, хорошо владеет пером, обожает библиографию, работает чисто и честно»⁷⁸. Враский являлся в то время чиновником для особых поручений при III отделении Собственной Его Императорского величества канцелярии. В официальном прошении о приеме его на службу в Румянцевский музей, от 4 ноября 1856 года, Одоевский сообщил, что Враский, снимающий квартиру в музее за 1000 рублей серебром в год, пожелал работать библиотекарем на следующих условиях: «1. Соединить сию должность с званием Старшего чиновника III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, им ныне занимаемым. / 2. По Музеуму ни жалованья, ни столовых

не получать, но пользоваться в оном квартирою по чину»⁷⁹. «По роду своей службы в III-м Отделении, — написал князь далее, — Действительный Статский Советник Враский обязан быть при докладе в 8-мь часов утра, а к 10-ти часам, т. е. ко времени, когда открывается Музеум, он уже свободен <...>. / Действительный Статский Советник Враский, будучи весьма опытным чиновником вообще по административной части, знает практически счетную часть по прежней службе своей <...>, и сверх того, имея сам значительную библиотеку, любит библиографическую часть и занимается ею по природной склонности <...>. / При сем положении дела необходим для Музеума такой чиновник, который, [как] по опытности своей, так и по образу жизни, мог бы мне служить надежною помощию, а в случае моего отсутствия исправлять мою должность»⁸⁰. Ходатайство князя Одоевского было удовлетворено. В декабре 1856 года Враского зачислили библиотекарем Румянцевского музея без содержания, и уже в январе 1857 г. он выполнял функции заведующего музеем, во время отъезда Одоевского за границу⁸¹. За свою службу он неоднократно и щедро награждался.

Руководству Императорской Публичной библиотеки и Румянцевского музея удавалось привлекать к работе своих подчиненных благосклонное внимание самых высокопоставленных персон России. В 1858 году сам император, за «отлично-усердную службу чиновников Императорской Публичной Библиотеки», пожаловал премиями ряд ее сотрудников, в том числе и служителей Румянцевского музея — Зимницкого, Нагеля, Солоницына⁸².

Из всех коллекций музея самой большой и востребованной была его библиотека. Деятельность этого подразделения регулировалась правилами, принятыми в Императорской Публичной библиотеке. Чиновники по очереди назначались на дежурство по обслуживанию читателей и посетителей музея, остальное время отводилось внутренней работе: упорядочению, систематизации и каталогизации коллекций, которые были распределены и закреплены за каждым из библиотекарей. Эта работа принесла ощутимые результаты. Из материалов архива РНБ видно, что часть книг и рукописей, бесконтрольно выданных в свое время, возвращалась в музей. Так, в 1846 году граф К. В. Нессельроде передал музею рукопись И. Г. М. О. фон Штрандмана «*Materiaux pour servir à l'histoire des plus anciennes relations politiques et religieuses entre le Saint-Siège et les grands princes de Russie, compilés dans les bibliothèques et les archives de Rome*», найденную им при разборе собственной библиотеки⁸³. А в 1855 году академик П. И. Кеппен вернул музею изданный в 1822 году в Риме труд того же автора «*Materiaux pour servir à une Paléographie du moyen âge, compilés dans les principales bibliothèques d'Italie*» («случайно доставшееся мне драгоценное собрание снимков», — сообщил

академик, — над которым фон Штрандман работал в иностранных библиотеках и архивах по поручению графа Н. П. Румянцева)⁸⁴. При разборе и систематизации фонда обнаруживались неучтенные экземпляры коллекции. К примеру, в одной из докладных записок 1855 года сообщалось, что «Солоницын при проверке вверенных ему Отделений рукописей и книг отыскал четыре рукописи, не показанные в каталоге Востокова и не обозначенные номерами»⁸⁵. Речь шла о славянских рукописях XVII и XVIII веков. Позднее Солоницын нашел еще две рукописи, описанные им в рапорте: «Первая из них писана на пергаменте, на латинском языке, и принадлежит к разряду так называемых *Livres d'heures*⁸⁶. Заглавные буквы писаны золотом и красками. Кроме того имеются два живописные изображения <...>. Вторая рукопись имеет следующее заглавие „Книга числам. Алфавит <...>“. Словенская грамота, писана мелким уставом конца XVI века»⁸⁷.

В целом, приведение библиотеки в должное состояние заключалось в реорганизации ее фонда и составлении полных каталогов к нему. Прежде фонд библиотеки грубо делился на иностранный и русский, или, как тогда говорили, на «иностранный и русскую библиотеку». Необходимо было разобрать и упорядочить эти массивы на коллекции книг, рукописей, старопечатных изданий и периодики.

В 1846 году Кестнеру было поручено выбрать из иностранного фонда инкунабулы (до 1525 года издания включительно), выделить их в отдельную коллекцию и описать. В том же году он составил краткий карточный каталог коллекции и приступил к работе над аннотированным рукописным каталогом. Этот каталог был составлен Кестнером по хронологическому принципу, снабжен алфавитными указателями заглавий и типографов и приложением, систематизировавшим коллекцию инкунабулов музея в историко-книжном аспекте. В приложении материал располагался в географическом порядке, по городам, с указанием времени начала деятельности каждого типографа и его изданий, имеющих в музее. Данное приложение (именовавшееся систематической таблицей), отметил князь Одоевский, «наглядно представляет историю книгопечатания применительно к коллекции Румянцовского Музеума. Эта таблица показывает, что Музеум имеет несколько первопечатных книг в теснейшем смысле слова, то есть: а) изданных в первом году существования типографий в Риме и Венеции <...>, б) или по крайней мере первыми основателями типографий: Шеф[ф]ером в Майнце <...>, Цейнером в Ульме <...>, Бемлером в Аугсбурге <...>, Герингом в Париже <...>. Из этой таблицы далее открывается, что издания некоторых типографщиков, в Музеуме имеющиеся, восходят к более глубокой древности, чем означил Мет[т]ер в своих перечнях <...>»⁸⁸. Каталог был проиллюстрирован типографскими зна-

ками первопечатников. При работе над ним Кестнер сверял экземпляры музея «с лучшими библиографическими описаниями инкунабулов <...>, с сочинениями Эмерика⁸⁹, Маршан[а], Мет[т]ера, Дени, Панцера, Цаффа и другими. Из этого сличения явствует, что некоторые издания Музеума оставались неизвестными даже этим первостепенным знатокам первопечатной литературы»⁹⁰. Работа над каталогом была закончена в 1851 году. На докладной записке князя Одоевского, поданной директору Императорской Публичной библиотеки 30 апреля 1851 года в связи с завершением этой работы, барон Корф написал в тот же день: «Объявляя Г.[осподину] Кестнеру искреннюю мою благодарность за прекрасный его труд, прошу Князя Владимира Федоровича приказать составить по сему предмету статью, для напечатания ее в журналах; самый же каталог передать, для соображения, Г.[осподину] Библиотекарю Минцлофу»⁹¹.

Составленный Кестнером каталог вошел составной частью в обновленный систематический каталог «иностранной библиотеки». Переписывался и дорабатывался также алфавитный каталог иностранного фонда. Отдельную коллекцию образовали географические карты, разбором которых и «составлением им обстоятельного каталога» занимался Штукенберг⁹².

Большая работа была проделана также с фондом «русской библиотеки». Ее рукописная часть была описана Востоковым в 1842 году⁹³. Теперь к каталогу Востокова составлялся алфавитный указатель. В 1848 году Кестнер закончил список рукописей музея, «относящихся к царствованию Михаила Федоровича». Одоевский написал М. А. Корфу: «Указатель печатному каталогу рукописей, к составлению которого уже приступлено, даст возможность приискывать самые подробности содержания рукописей»⁹⁴. Работа над указателем была закончена в 1858 году.

Книжный фонд было решено «разделить на 4 разряда книг: 1) Старопечатные, 2) Словенские наречия, 3) Периодические издания и 4) Книги по разным отраслям наук и литературы»⁹⁵. В 1851 году Одоевский доложил: «1. Книги Словенской печати, большею частью старопечатные, уже отделены в особую коллекцию и имеют хронологическое полное описание. К ним Музеум предполагает присоединить существующие у нас первопечатные издания гражданской печати времен Петра Великого <...>. 2. Востоков отобрал книги по некоторым Словенским наречиям. К ним в последствии присоединены все вообще книги по наречиям Восточной Европы, не имеющим развитой литературы (т. е. кроме русского и польского языка). Им составлен вчерне систематический список; самые книги отобраны в особую коллекцию. Затем остается: 3. Отобрать периодические издания, которых у нас довольно много, и составить им и 4. прочим книгам алфавитный каталог, не

стесняясь ныне существующим списком»⁹⁶. Как и к иностранному, к русскому фонду было составлено два каталога: систематический и алфавитный. Старый алфавитный каталог был в очень плохом состоянии. Вот как охарактеризовал его Одоевский: «Первоначальный каталог русских книг был писан на правой странице, вновь поступавшие книги записывались на левой. Когда не было более места для новых книг, весь каталог был переписан набело, но несведущим писарем, который описывал страницу за страницей, не наблюдая алфавитного порядка, оставляя пробелы на произвольных расстояниях. Вновь поступавшие книги нельзя было записывать на приличных местах, а нужно было пользоваться большими страницами, где они попадались. От этого алфавитный порядок окончательно расстроен, а систематического вовсе не было. Сверх того каталог испещрен неизбежными поправками замеченных ошибок»⁹⁷. Работа над справочным аппаратом библиотеки продолжалась до конца 1850-х годов.

Вопреки бытующему в литературе мнению, что в петербургский период Румянцевского музея его коллекции совершенно не пополнялись, комплектование библиотеки и других отделов все-таки велось. Так, к примеру, в 1850 году тайный советник А. П. Бутенев подарил музею две рукописи, в 1856 г. были куплены три книги и девять получены из Дублетного отделения Императорской Публичной библиотеки, в 1858 г. купили четыре книги для русского и пятнадцать книг для иностранного фонда, в 1859 г. — «шесть книг, и двадцать четыре тома» поступили из Императорской Публичной библиотеки⁹⁸. Основным источником комплектования библиотеки музея в эти годы был дублетный фонд ИПБ.

Вопросы комплектования библиотеки входили в круг забот князя Одоевского. В 1858 году, анализируя причины сокращения читателей библиотеки, он написал: «Видимое уменьшение читателей противу прежних годов, в которые, как в 1854, 1855 и 1856, число их доходило до 400 и более, доказывает необходимость пополнения библиотеки Музеума новейшими учеными и учебными сочинениями, так как большинство читателей состоит из людей молодых, только начинающих свое образование. Люди же, занимающиеся серьезно, ученые, конечно, найдут в Музеуме богатый запас сведений по многим отраслям знаний, и по преимуществу, по истории древнего и среднего мира»⁹⁹.

О книговыдаче и посещаемости библиотеки и вообще музея в интересующий нас период мы имеем лишь фрагментарные сведения. Известно, однако, что число читателей было невелико. Наиболее полная картина со сравнительными данными представлена в отчете Румянцевского музея за 1851 год, из которого явствует, что в течение года библиотекой пользовались 708

читателей (на 106 человек больше, чем в 1850 г.); книговыдача составила 1607 томов (на 279 томов больше, чем в 1850 г.); для осмотра музей посетили 311 человек¹⁰⁰. Из сохранившегося черновика отчета за 1858 год мы знаем, что тогда музей посетили 476 человек, из них в качестве читателей — 214, «ими было потребовано 396 сочинений в 817 томах, большая часть которых состояла из рукописей и сочинений исторических»¹⁰¹. Из еженедельных отчетов 1856 года видно, что в течение недели библиотеку посещали пятнадцать — семнадцать человек, книговыдача составляла от 36 до 45 названий, и от трех до пяти человек приходили в Румянцевский музей для осмотра его коллекций¹⁰².

В музее поддерживалась строгая служебная дисциплина: согласно заведенному порядку, директору Императорской Публичной библиотеки представлялись еженедельные отчеты — «ведомости о занятиях Гг. Библиотекарей». 9 февраля 1853 года князь Одоевский получил письменное замечание от барона Корфа: «В последней ведомости по канцелярии Музеума от 31 янв. по 6 февр. я не без удивления заметил, что из числа Библиотекарей двое были заняты *исключительно* отправлением дежурства, когда читателей было всего 20 человек! Здесь, вероятно, какая-нибудь ошибка, по которой прошу Князя Владимира Федоровича при встрече со мной объяснить». Одоевский ознакомил сотрудников музея с запиской Корфа, сопроводив ее собственным обращением: «Считаю долгом поделиться с Гг. Библиотекарями тем чувством, какое может произвести прилагаемое при сем замечание Господина Директора. Поелику я не намерен ни себя подвергать подобному удовольствию, ни тех, которые исполняют свои обязанности как следует, то вынужден буду принять, к сожалению, некоторые особые меры, о коих будет объявлено в особом от меня предписании»¹⁰³. 10 февраля Одоевский издал распоряжение, которым обязывал сотрудников «записываться ежедневно в особый журнал, точным и определенным образом и своеручно, чем каждый из них в Музеуме занимался в тот день от 10-ти до 3-х часов; из каковых записок я уж сам буду делать надлежащий вывод для внесения в еженедельную ведомость, представляемую его Превосходительству. Таковой журнал имеет быть мне представляем ежедневно старшим (по чину) из Гг. Библиотекарей»¹⁰⁴.

Материалы библиотеки Румянцевского музея часто запрашивались Археологической комиссией, Академией наук, другими учреждениями и частными лицами и выдавались за пределы музея сроком, как правило, на месяц. Наибольшим спросом пользовались рукописи и старопечатные издания¹⁰⁵.

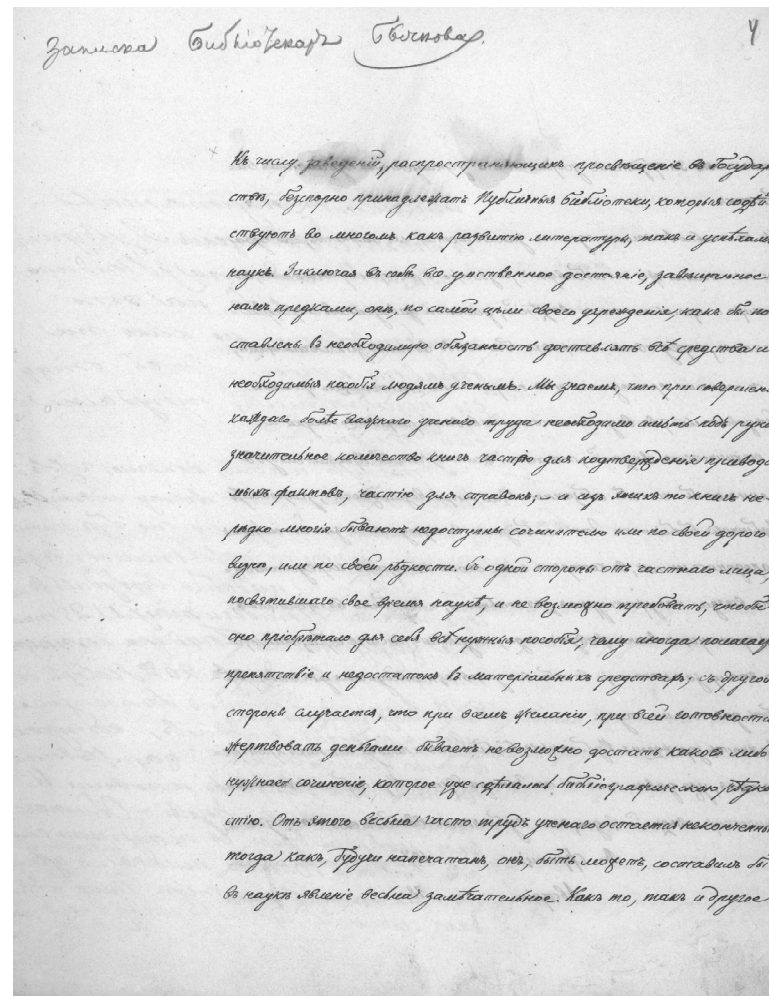
Среди прочих предложений, связанных с решением проблемы условий существования и развития музея, князь Одоевский высказал идею о передаче его коллекций в Москву и создании на их базе Московской публичной библиотеки. Отсутствие в Москве бесплатной общедоступной публичной библиотеки было животрепещущей проблемой, обсуждавшейся научной и

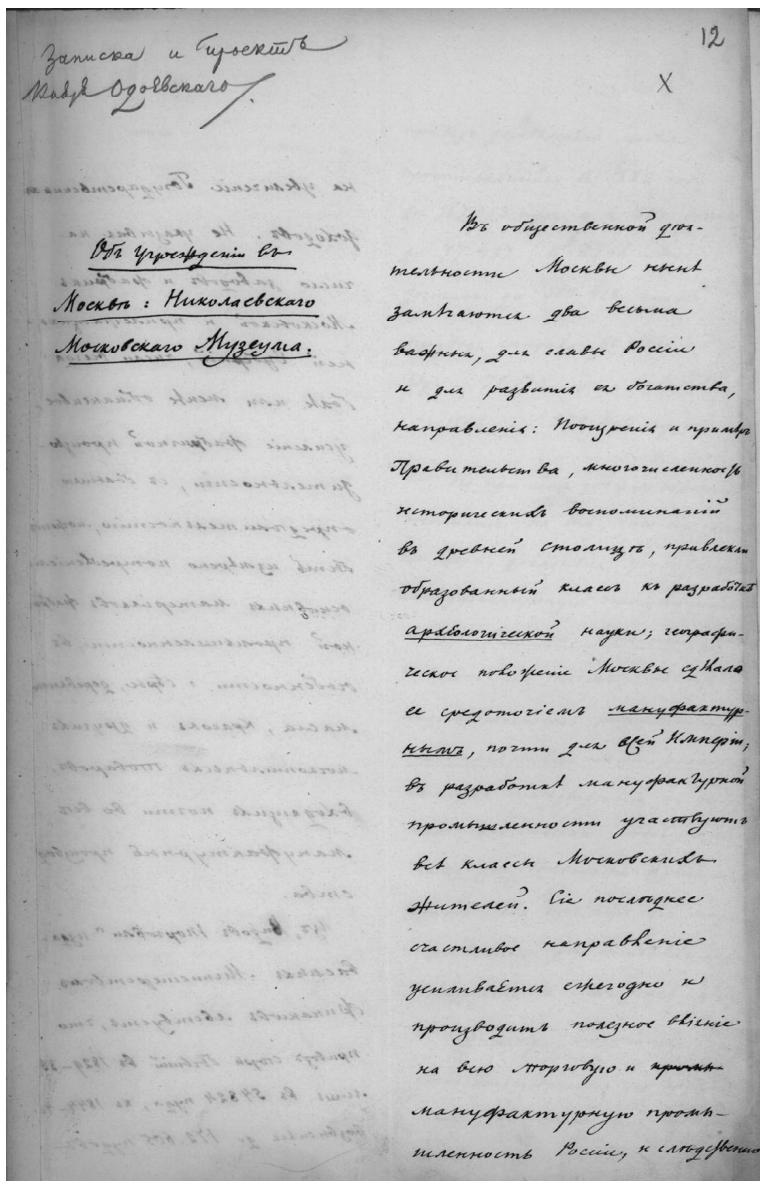
А. Ф. Бычков

культурной общественностью обеих столиц. Руководство Императорской Публичной библиотеки неоднократно ставило этот вопрос перед правительством. Еще в 1846 году Бутурлин ответил министру народного просвещения на его предложение выделить «в пользу Болгар из дублетов Императорской Публичной Библиотеки некоторых книг»: «По сему случаю имею честь представить мое мнение, что древняя столица наша Москва доселе не имеет у себя Публичной Казенной Библиотеки — и если бы в ней учредить таковое общепольное Книгохранилище, то много бы доставило умственного удовольствия и пользы тамошней публике, и особенно юношеству; а потому дублеты Императорской Публичной Библиотеки казалось бы должно сохранить для будущей Публичной Библиотеки в Москве»¹⁰⁶.

М. А. Корф придал делу практический оборот. В 1850 году он поручил А. Ф. Бычкову и В. Ф. Одоевскому независимо друг от друга разработать варианты проектов будущей Московской публичной библиотеки¹⁰⁷. Расчет был на то, что в честь празднования двадцатипятилетнего юбилея коронации император Николай I утвердит такой проект.

Фрагмент записки А. Ф. Бычкова

Фрагмент записки князя В. Ф. Одоевского

В обсуждении замысла и подготовке его реализации участвовали многие сотрудники Императорской Публичной библиотеки, в том числе К. А. Коссович. В письме к С. П. Шевыреву¹⁰⁸ он сообщил: «У Барона Корфа родилась мысль основать в Москве Публичную Библиотеку. Убеждаясь в возможности осуществить эту мысль, он готов, со всею ревностью просвещенного человека, приступить к делу. <...> Я указал на дом Пашкова. Я

Пашков дом

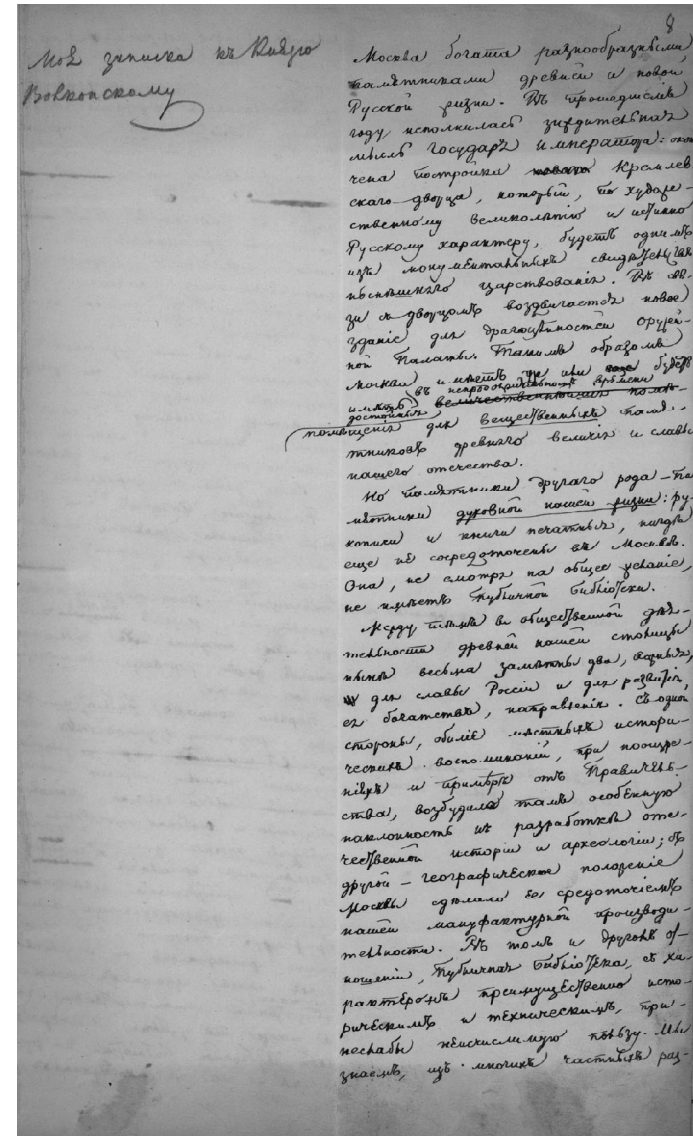
думаю, что и Вы согласны, что лучшего помещения для Императорской Публичной библиотеки в Москве быть не может. Великолепное здание, центр города <...>, но не сообщайте покуда этого никому, кроме избранных, что Барон твердо намерен исходатайствовать у Государя Императора этот дом, чтобы подарить его Москве для Публичной Библиотеки. Это пункт очень важный. Остаются книги. Обременять Правительство издержками на книги и рукописи в настоящее время нет возможности. Барон надеется на жертвоприношения Москвичей; в этой мысли я и другие окончательно укрепили его. Я привел ему слова Кошелева, который готов хоть сейчас пожертвовать Библиотеке в Москве 3000 руб. сер.[ебром] <...>. Без сомнения, найдутся и другие Кошелевы и между Дворянством, и между Купечеством <...>.

Теперь перехожу к делу ближайшему, т. е. к комиссии, которую возложил на меня Барон. Зная о наших дружеских отношениях, он поручил мне попросить Вас, чтобы Вы спросили у Михаила Петровича Погодина, был ли бы он согласен пожертвовать Публичной Библиотеке в Москве весь свой Музей, т. е. Библиотеку и *Древлехранилище* <...>, и что он за эту жертву будет сделан бес-
 сменным начальником Императорской Публичной Библиотеки в Москве»¹⁰⁹.

Однако на доклад барона Корфа в Министерство Императорского двора князь Волконский ответил: хотя «подобное учреждение в городе, столь обширном и просвещенном, какова Москва, было бы и полезно и прилично; но как наперед желательно привести в надлежащее благоустройство здешнюю Публичную Библиотеку, и как я не вижу достаточного ручательства в помощи и поддержке сему предприятию со стороны частных лиц, о чем в записке Вашей Вы только намекаете, и на что Правительству, при непостоянстве частных пожертвований, положиться трудно, — то и не могу, по крайней мере в настоящее время, приступить к осуществлению Вашей мысли»¹¹⁰.

После этого вопрос оставался открытым еще двенадцать лет.

Между тем, к 1860 году состояние зданий Румянцевского музея стало весьма болезненной проблемой. Ею занимались Комитет архитекторов, Строительная комиссия, другие учреждения. Все признавали необходимость принятия неотложных мер, но выход из ситуации видели по-разному. Эта тема постоянно присутствовала в текущей переписке Одоевского с Корфом. В мае 1860 года руководитель Румянцевского музея написал, в частности: «Сегодня я имел свидание с Кн. [язем] Оболенским, одним из главных действующих лиц в Строительной Конторе. Их мысль ни на что не похожа, а именно: 1) Музей раздробить, книги и рукописи — в Библиотеку, картины, монеты, минералы (!) — в Эрмитажный Музеум. След[овательно,] и название Румянцевского Музеума уничтожится. 2) Дома продать и деньги отдать в Министерство *Народного Просвещения* (!!!) под тем предлогом, что Румянцев назначил свое приношение — на *просвещение* вообще. Разумеется, что я против этого и руками, и ногами (дело еще идет пока на словах), и мой *контрпроект* следующий: 1. Музеум сохранить в *полном составе*, согласно воле дарителя <...>. 2. Здания Музеума продать (Контора полагает, что можно взять 200 тыс.) и купить дом *Балабина*¹¹¹. Деньги за Музеум пошли бы на отделку Балабинского дома. Все это еще первые проложенные линии»¹¹². В августе Одоевский выступил с другим предложением: «Относительно Музеума j'ai frisé l'idée d'en faire l'objet d'une discussion publique*, но устрасился этой мысли, ибо полагаю, что не разрешат предание этого вопроса журналам, когда, собственно говоря, мы кругом виноваты <...>. В Мо-

Фрагмент записки барона М. А. Корфа

* У меня мелькнула мысль сделать его предметом общественного обсуждения (фр.).

скве спят и видят учредить Публичную Библиотеку. <...> Продать Музеумские дома, на эти деньги устроить Публичную Библиотеку в Пашковом доме <...>. Об этой мысли мы много толковали с Соболевским, который советовал мне даже писать об этом, разумеется, частным образом, к [Н. В.] Исакову¹¹³ <...>. По крайней мере, совесть упрекнуть нас не может; мы истощили все возможное, не день и два, в течение 12 лет — nous ne çedons qu'à une force majeure, si nous ne faisons pas plus, que nous n'avons fait jusqu'ici*»¹¹⁴.

Для Румянцевского музея сложилась весьма неблагоприятная перспектива, угроза расчленения его коллекций стала вполне реальной. Однако Корф полностью разделял взгляды Одоевского и поддержал его предложение по переводу коллекций в Москву. Он подал в Министерство императорского двора обширное «Представление» по данному вопросу. Корф рассмотрел в этом документе разные проекты по «устройству» музея и показал несостоятельность всех вариантов, кроме единственного — перевода музея в Москву. В частности, он написал: «В апреле 1860 года заведующий Румянцевским Музеумом Гофмейстер князь Одоевский представил мне конфиденциальную записку, которой объяснял, что еще в 1847 г. <...> он, по осмотре зданий Музеума, представлял Начальству об опасности положения всех музеумских зданий, с первых пор построенных небрежно, в продолжении 20 лет не отремонтированных и тогда уже в 1847 г. пообветшавших <...>. В 1849 г. был образован особый Комитет архитекторов, осмотревших все здания Музеума в подробности, [он] не только подтвердил все сделанные кн.[язем] Одоевским замечания, но и присоединил многие другие <...> и указал, какие именно [меры] оказывались тогда еще, в 1849 году, неизбежными и настоящими <...>. Разделяя вполне опасения кн.[язя] Одоевского, я имел честь 29 апреля с. г. представить его конфиденциальную записку <...>. Могла бы быть приведена в исполнение мысль продать оба дома Музеума, приобрев дома в Москве и передать туда все коллекции и положить этим основание Московской Публичной библиотеки. Сие имело бы значительную выгоду для Москвы <...>. Едва ли удобно отдать все коллекции и дома Музеума Обществу Географическому или Археологическому, которые не имеют достаточно средств управления для поддержания такого учреждения. Простейшим, удобнейшим, как кажется, средством было бы передать рукописи и книги Музеума в Публичную Библиотеку, поместив их в особом отделении с названием Румянцевского, а коллекции монет и прочие — в Императорский Эрмитаж, сохранив и здесь означенным предметам название Румянцевских <...>. А далее ставится вопрос, имеет ли право Правительство разрушить со-

* Мы уступаем только чрезвычайным обстоятельствам, если мы не сделаем больше, чем сделали до сих пор (*фр.*).

став коллекций музея?» После ряда рассуждений и толкований завещания дарителя Корф сделал вывод, что «сии коллекции ни под каким предлогом разрознены быть не могут» и единственно правильное решение — передать их в Москву¹¹⁵.

В декабре директор Императорской Публичной библиотеки получил сообщение из Министерства Императорского двора, в котором было выражено согласие перевести музей в Москву. Он ответил: «Предложение Ваше от 15 декабря относительно перевода Музеума в Москву. <...> Мысль за продажей домов Румянцевских, о переводе самих коллекций в Москву для основания там Публичной библиотеки находилась первоначально в числе мер, предполагавшихся Заведующим Румянцевским Музеумом <...> для того, чтобы вывести Румянцевский Музеум из его затруднительного и опасного положения <...>. Предложение Вашего Сиятельства и приложенное при оном письме на Ваше имя Попечителя Московского университета от 7 декабря разрешили мои сомнения»¹¹⁶. Более развернуто барон Корф написал об этом в другом документе того же времени: «Не будет противоречить цели завещания Гр.[афа] Румянцева, если только коллекции Музеума перенесутся в Москву в их полном составе, с сохранением названия Румянцевский Музеум и фронтонной, сделавшейся исторической надписи на той части здания Московской Публичной библиотеки (снаружи), где будут сосредоточены коллекции Музеума <...>. Все, высказанное об этом в записке Генерала Исакова, мне кажется весьма сильным и убедительным, и основание, наконец, в Москве Публичной Библиотеки, так же давно вызванное общим голосом, значительно облегчится и упрочится переводом туда Румянцевского Музеума, тогда как для Петербурга, при несравненно важнейших и многочисленнейших сокровищах Императорской Библиотеки, отсутствие его едва будет заметно, что доказывается и самою ничтожностью цифры бывающих в нем теперь посетителей»¹¹⁷.

В мае 1861 года Комитетом министров было принято решение о переводе Румянцевского музея в Москву. Процедуры реализации этого решения и сам процесс переезда подробно описаны в литературе. Штат и бюджет «Московского публичного музеума и Румянцевского музеума» были утверждены в 1862 году, а его читальный зал открылся в январе 1863 года.

В связи с переводом музея в Москву были предусмотрены льготы для его сотрудников, автоматически «оставшихся за штатом», что оговаривалось особо: «Чинам Румянцевского Музеума дозволить занимать их квартиры на прежних основаниях до 1 января 1862 г.»¹¹⁸ В отношении заведующего музеем последовало специальное распоряжение императора от 25 июня 1861 года: «Гофмейстера Князя Одоевского, по случаю закрытия Румянцевского Музеума в С.-Петербурге, иметь в виду для назначения Присутствующим в одном из Московских Департаментов Сената, с производством

ему, сверх присвоенного званию Сенатора содержания, взамен казенной квартиры, по 3 тыс. руб. серебром в год из Государственного Казначейства; при упразднении же занимаемой им должности Заведывающего Музеем, сохранить ему, впредь до назначения в Сенат, получаемое по сей должности и по званию Члена Ученого Комитета Министерства Государственных Имуществ содержание, с отпуском означенных квартирных денег»¹¹⁹. Указ о назначении князя Одоевского «присутствующим в Правительствующем Сенате» был подписан 8 ноября 1861 года.

Деятельное участие Императорской Публичной библиотеки в судьбе Румянцевского музея продолжалось и после его переезда в Москву. В 1861 году Н. В. Исаков попросил барона Корфа оказать содействие в становлении новой московской библиотеки. В частности, он написал 27 ноября: «Милостивый Государь Барон Модест Андреевич! / Перенесение Румянцевского Музеума, положившее основание учреждению Московского Публичного Музея, было признано возможным и законным, опираясь на те юридические доводы и то личное Ваше глубокое убеждение в его несомненной пользе для Москвы, которые энергическою настоятельностью с Вашей стороны выдвинули тотчас же этот вопрос из сферы проэкта в действительность. / Ваше Высокопревосходительство с самого начала устройства Вами Императорской Публичной Библиотеки <...> уже сознали возможность однородного учреждения в Москве. Конечно, неблагоприятные обстоятельства, отдаляя несколько времени исполнение этой благой мысли, уменьшили во многом и первоначальное количество книг, могущих под различными условиями сделаться достоянием более юного учреждения, — однако же и до сих пор Императорская Библиотека заключает в себе многое, что без ущерба для нее могло бы обогатить возникающую по ее образцу Библиотеку в Москве. / Московская Публичная Библиотека не позволяет себе надеяться на получение в дар всего, что оказывается не нужным в Императорской Библиотеке, у сей последней есть свои потребности, для которых она не может выйти из принятых ею правил; но можно ли по крайней мере первой рассчитывать на определенные условия, под которыми она может приобрести теперь и приобретать на будущее время, преимущественно пред частными лицами все, что окажется не нужным в Императорской Библиотеке и что может быть весьма важно для возникающего только учреждения, лишенного, как Вашему Высокопревосходительству известно, средств делать значительные покупки за границею и даже внутри России <...>. / Имея много случаев уже удостовериться в полном сочувствии Вашем к преуспеянию Московского Публичного Музея, я позволяю себе обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою указать мне, какими средствами и на каких условиях мы можем приобретать из Императорской Пуб-

личной Библиотеки то, что уже не имеет пользы сохраняться для нее. / Предоставляя вполне Вам, Милостивый Государь, назначить условия, я остаюсь в полном убеждении, что они будут для развития учреждения в Москве, по образцу созданного Вами, более клониться к его преуспеянию, нежели те, которые бы я сам, по малому знакомству с делом, мог предложить»¹²⁰. Императорская Публичная библиотека активно способствовала становлению московской публичной библиотеки. На протяжении многих лет она пополняла фонды своего бывшего филиала, получившего, наконец, необходимое помещение, и оказывала различную помощь и поддержку, в которой молодое учреждение остро нуждалось. С самого начала в Императорской Публичной библиотеке велась работа по выявлению дублетной литературы по всем Отделениям, для передачи ее московскому музею. Координация этой работы в 1860-х годах была возложена на А. Д. Ивановского¹²¹. Из его отчетов видно, что в период 1861 — 1863 годов Императорская Публичная библиотека переслала московской библиотеке 23281 сочинение в 38217 томах¹²². Работа эта велась планомерно на протяжении многих лет¹²³. В ноябре 1861 года Императорской Публичной библиотеке было предложено забрать из Императорской Эрмитажной библиотеки книги и рукописи, включая библиотеку Вольтера. В ответ на это барон Корф тут же испросил разрешение передать Москве те из полученных изданий, которые окажутся дублетными и «могли бы, в случае Высочайшего на то соизволения, быть обращены в Публичную Библиотеку, ныне вновь образуемую в Москве. Мера такого рода была бы весьма важным пособием для последней и стяжала бы, конечно, общую благодарность»¹²⁴. Из эрмитажной коллекции московской библиотеке было передано около пяти тысяч изданий объемом примерно в десять тысяч томов¹²⁵. По ходатайству И. Д. Делянова, сменившего барона М. А. Корфа на посту директора Императорской Публичной библиотеки, в 1868 году из Государственного казначейства было выделено 2500 рублей на покупку у почетного члена библиотеки С. Д. Полторацкого для московской библиотеки «коллекции ведомостей времен Петра Великого, состоящей из 332 номеров, и в том числе первый 1703 г., с коего начали выходить эти, замечательные по своей библиографической редкости, ведомости»¹²⁶. Через Императорскую Публичную библиотеку Делянов продолжал пополнять фонды библиотеки Московского публичного и Румянцевского музеев, уже не являясь директором библиотеки. Так, в 1883 году, будучи министром народного просвещения, он распорядился переслать в Москву, как сказано в документе, «журналы Государственного Совета и некоторые книги»¹²⁷. Развивался и книгообмен между петербургской и московской библиотеками. В 1880 году они обменялись дублетами старопечатных церковных изданий¹²⁸.

Петербургскую и московскую библиотеки связывало многообразное сотрудничество. Например, в 1865 году почетным членом Императорской Публичной библиотеки был избран Исаков, в 1882 году — В. А. Дашков, являвшийся в то время директором Московского публичного и Румянцевского музеев.

В адресе, преподнесенном Императорской Публичной библиотекой Московскому публичному и Румянцевскому музею в день празднования его пятидесятилетия, 3 апреля 1913 года, было отмечено: «Музей уже полвека усердно служит „благому просвещению“ в самом сердце России. Императорская Публичная Библиотека, до перевода Музея в Москву бывшая тесно с ним связанною, работая в том же направлении и на том же поприще, всегда с особым сочувствием относится к своему московскому собрату и в день вступления Музея во второе полу столетие его служения Родине шлет Музею самые искренние свои приветствия»¹²⁹.

Автор благодарит заведующего Отделом редкой книги РНБ доктора филологических наук Н. В. Николаева за помощь, оказанную при подготовке настоящей статьи.

Примечания

¹ См.: *Ивановский А. Д.* Государственный канцлер граф Н. П. Румянцев. СПб., 1871; *Козлов В. П.* Колумбы Российских древностей. 2-е изд. М., 1985; *Молчанов В. Ф.* Государственный канцлер России Н. П. Румянцев. М., 2004; и др.

² См. с. 40 наст. изд.

³ См.: *[Б. н.]* Пятидесятилетие Румянцевского музея // Журнал Министерства народного просвещения (СПб.). Ч. ССХV. 1881. Май. [Отд. 2]. С. 83 — 100; *Кестнер К. И.* Материалы для исторического описания Румянцевского музеума. М., 1882; Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. Вып. 1; *Стасов В. В.* Румянцовский музей: История его перевода из Петербурга в Москву в 1860 — 1861 гг. // Русская старина (СПб.). Т. XXXVII. 1883. Янв. С. 87 — 116; Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. М., 1913; Государственный Румянцевский музей: Путеводитель. Ч. 1. Библиотека. [Пг.; указано: М., Пб.], 1923; *Клеветский М. М.* История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Т. 1. История б-ки моск. публич. Румянцев. музея: 1862 — 1917. М., 1953; История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 100 лет: 1862 — 1962. М., 1962; *Соловьева Т. А.* Румянцевский особняк на Английской набережной. СПб., 1996; *Гречанинова В. С.* Румянцевская коллекция: (Ист. экскурс) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1998. Сб. 75. С. 131 — 144; *Соловьева Т. А.* Румянцевский особняк в Санкт-Петербурге. СПб., 2002; *Лабынцев Ю. А.* Книжное наследие Н. П. Румянцева. М., 2004; и др.

⁴ См.: Румянцевские чтения: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Книга и культура мира в России» (20 — 21 апр. 2000 г.) / РГБ. М., 2000; Румянцевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. «Память России в книжной культуре» (23 — 25 апр. 2001 г.) / РГБ. М., 2001; Румянцевские чтения: «Национальная библиотека в современном социокультурном процессе»: Тез. и сообщ. / РГБ. М., 2002. Вып. 1.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 2307, оп. 1, д. 79. Л. 356 — 368.

⁶ *Молчанов В. Ф.* Указ. соч. С. 391 — 482.

⁷ См.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1-а, 1843, д. 1. Л. 55 — 55 об.; Сборник материалов для истории Румянцевского музея. С. 127; ПСЗ [Собр. 2-е], т. 3. 1828. № 1890 — 1891.

⁸ См.: Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям (СПб.). 1831. 20 нояб. № 273. С. 2413; Там же. 22 нояб. № 275. С. 2431; Там же. 25 нояб. № 277. С. 2449; Сборник материалов для истории Румянцевского музея. С. 171.

⁹ См.: Сборник материалов для истории Румянцевского музея. С. 170.

¹⁰ См.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1-а, 1844, д. 1. 153 л.

¹¹ Михаил Евстафьевич Лобанов (1787 — 1846) — поэт, переводчик с французского, педагог; в ИПБ с 1813 по 1841 годы, затем служил чиновником особых поручений при Министерстве народного просвещения, член Российской академии (1828), почетный член Императорской АН (1841), ординарный академик (1845). О нем см.: *Голубева О. Д.* Лобанов Михаил Евстафьевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки... Т. 1. С. 323 — 327.

¹² ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1845, д. 29. Л. 1.

¹³ Там же, оп. 1-а, 1844, д. 1. Л. 65.

¹⁴ Там же. Л. 68.

¹⁵ Там же. Л. 70.

¹⁶ Там же. Л. 67. Упомянутый Иван Петрович Сахаров (1807 — 1863) — этнограф, археолог, палеограф, библиограф, педагог, коллекционер. Христиан Данилович (Кристиан Мартин Йоахим) Френ (1782 — 1851) — богослов, востоковед, нумизмат, педагог, коллекционер; в ИПБ с 1818 года (почетный библиотекарь), академик Императорской АН (1817). См. о нем: *Шилов Л. А.* Френ Христиан Данилович // Сотрудники Российской национальной библиотеки... Т. 1. С. 547 — 552.

¹⁷ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1848, д. 20. Л. 87 об.

¹⁸ Осип Казимирович (Иосиф) Зимницкий (1804 — 1873) работал с 1824 по 1831 годы канцелярским служителем в минском Главном суде, затем с июля 1838 года являлся «чиновником для письма при Румянцевском Музеуме» и исправляющим должность смотрителя за домами Румянцевского музея, с июля 1846 года — смотрителем за домами Румянцевского музея и исправляющим должность письмоводителя, после перевода музея в Москву остался в штате ИПБ, с 1862 года состоял на службе при бароне М. А. Корфе, имел чины коллежского регистратора (1827), губернского секретаря (1830), коллежского секретаря (1841), титулярного советника (1846), был удостоен двух знаков «Отличия беспорочной службы», за пятнадцать и двадцать лет, ордена святого Станислава 3-й степени и других наград. О нем см.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1850, д. 50. 27 л.; Там же, 1856, д. 13. Л. 46 об.; ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф), д. 197. Л. 18 — 21; и др.

¹⁹ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1-а, 1843, д. 1. Л. 16 об. — 17.

²⁰ Там же, 1844, д. 1. Л. 65.

²¹ Карл Андреевич (Шарль) Сен-Жульен (Сен-Жюльен, 1777 — не ранее 1846) — младший библиотекарь при Румянцевском музее, с июля по август 1846 года — библиотекарь, надворный советник (1843) (1 августа был «уволен вовсе от службы по расстроенному здоровью, за границу»; см.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1846, д. 20. Л. 8 об., 24 об., 26).

²² См.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1-а, 1843, д. 1. Л. 20 — 21 об.

²³ Карл Иванович (Карл) Кестнер работал в Румянцевском музее с 1844 по 1851 годы — младший библиотекарь, с июля 1846 года библиотекарь, заведующий отделом рукописей, первопечатных книг и русской библиотекой, неоднократно исполнял обязанности заведующего музеем во время его отпуска, коллежский ассессор (1843); см.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1846, д. 33. Л. 68; ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 275 об. Кестнеру было поручено написать исторический очерк о музее, его основных коллекциях и достопримечательностях, чтобы ознакомить с ними широкую общественность. В то время подобных «путеводителей» по Румянцевскому музею еще не существовало. Рукопись книги «Материалы для исторического описания Румянцевского Музеума» была завершена в 1848 году, но по неизвестным причинам не была издана своевременно и увидела свет лишь в 1882 году. В. А. Дашков написал о Кестнере как об одном «из самых крупных деятелей Румянцевского Музеума в его бытность в С.[анкт]-Петербурге» (*Кестнер К. И.* Указ. соч. С. VII).

²⁴ Аполлон Николаевич Майков (1821 — 1897) — поэт; помощник библиотекаря при Румянцевском музее, с 1846 по 1852 годы — библиотекарь (затем младший цензор в Комитете цензуры иностранной), коллежский секретарь (1842), член-корреспондент Петербургской АН (1853).

²⁵ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1-а, 1844, д. 1. Л. 67 — 67 об.

²⁶ Егор Е. (Георг) Нагель — до октября 1852 года исправляющий должность младшего цензора Комитета цензуры иностранной, с января 1853-го — библиотекарь Румянцевского музея, впоследствии старший библиотекарь, надворный советник, коллежский советник, имел ордена святого Станислава 3-й степени и святой Анны 3-й степени. О нем см.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1852, д. 39. Л. 1 — 2; Там же, д. 50. Л. 1 — 8 об.; Там же, 1858, д. 35. Л. 5.

²⁷ Там же, оп. 1-а, 1844, д. 1. Л. 102 — 102 об.

²⁸ Там же, 1843, д. 1. Л. 25 об.

²⁹ Там же. Л. 21.

³⁰ Там же, оп. 1, 1850, д. 51. Л. 37 об.

³¹ См.: Там же, 1845, д. 29. Л. 1 — 4. Это письмо князя П. А. Ширинского-Шихматова к Д. П. Бутурлину, от 25 августа 1845 года.

³² Там же. Л. 1 об. — 2.

³³ См.: Там же. Л. 2; Там же, оп. 1-а, 1843, д. 1. Л. 42 — 48 об.

³⁴ Там же, оп. 1, 1845, д. 29. Л. 2; Там же, оп. 1-а, 1843, д. 1. Л. 42.

³⁵ Там же, оп. 1, 1845, д. 29. Л. 2 об.

³⁶ См.: Там же, оп. 1-а, 1843, д. 1. Л. 76 — 78 об.; ПСЗ [Собр. 2-е], т. 20. 1846. № 19298.

³⁷ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1-а, 1843, д. 1. Л. 85.

³⁸ См.: Там же, оп. 1, 1845, д. 29. Л. 35 — 50.

³⁹ Там же. Л. 37.

⁴⁰ Там же; ПСЗ [Собр. 2-е], т. 21. 1847. № 2053.

⁴¹ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1845, д. 29. Л. 37 об. — 38.

⁴² Там же. Л. 38 — 38 об.

⁴³ Там же. Л. 27.

⁴⁴ Там же. Л. 50.

⁴⁵ Там же. Л. 39 — 39 об.

⁴⁶ Там же, оп. 1-а, 1843, д. 1. Л. 88 — 88 об.

⁴⁷ Там же. Л. 88 — 89.

⁴⁸ Там же, оп. 1, 1845, д. 29. Л. 33 об.

⁴⁹ Там же, 1846, д. 28. Л. 1 — 3. См. также с. 132 наст. изд.

⁵⁰ Там же, д. 33. Л. 6.

⁵¹ См., в частности, указанные выше публикации О. Д. Голубевой и М. М. Клевенского (см. с. 40, 130 наст. изд.).

⁵² См.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1846, д. 26. Л. 9 — 10 об.; и др.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Ф. 380 (М. А. Корф), д. 384. Л. 7 — 7 об.

⁵⁵ Имеется в виду здание по адресу: Садовая улица, 18. Наиболее вероятно, что в процитированном документе упомянут генерал-лейтенант (1832) Петр Иванович Балабин (1776 — 1855; его портрет (1820-е) работы Дж. Доу имеется в Военной галерее Зимнего дворца), либо его сын — надворный советник Иван Петрович Балабин (зять графа С. С. Уварова).

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 111 об. — 113.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1856, д. 6. Л. 69 об.

⁵⁹ Там же, 1845, д. 29. Л. 39 об.

⁶⁰ Там же, 1846, д. 20. Л. 28. Николай Александрович фон Берте имел чины коллежского регистратора (1830), коллежского ассессора (1846).

⁶¹ Там же, 1845, д. 29. Л. 1 — 1 об.

⁶² См.: Там же, 1851, д. 22. Л. 14.

⁶³ См.: Там же, 1846, д. 38. 4 л. Вообще, князь В. Ф. Одоевский ценил Зимницкого и во многом полагался на компетентность, ответственность, безупречную исполнительность смотрителя за домами, «постоянно исправляющ[его] свою должность с примерным усердием» (Там же. Л. 1).

⁶⁴ Там же, д. 27. Л. 1.

⁶⁵ Там же, д. 20. Л. 32. Николай Николаев (1826 — не ранее 1848) был назначен писцом высшего оклада при Румянцевском музее в октябре 1846 года.

⁶⁶ См.: Там же, д. 27. Л. 5 — 12.

⁶⁷ Ранее Владимир Аполлонович Солоницын окончил Императорский Петербургский университет (прошел курс за два года) и служил по ведомству Министерства финансов в столичной таможне, откуда уволился по домашним обстоятельствам. В 1856 году Солоницын был повышен в чине и произведен в титулярные советники, а в 1858 году — в коллежские ассессоры (Там же, 1856, д. 13. Л. 57; Там же, 1858, д. 15. Л. 10).

⁶⁸ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1848, д. 17. Л. 1 — 9.

⁶⁹ Барон Корф был назначен директором ИПБ 18 октября 1849 года, после кончины Бутурлина.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф), д. 384. Л. 5 — 6.

⁷¹ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1852, д. 28. Л. 21 об.

⁷² Там же, 1858, д. 15. Л. 9.

⁷³ Там же, 1849, д. 1. Л. 1 — 18 об.

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 275 — 275 об.

⁷⁵ Иван Федорович (Йохан Христиан) Штукенберг (1788 — 1856) — военный, инженер, географ, гидрограф, статистик, библиограф; в ИПБ с 1851 по 1856 годы, имел медаль за боевые заслуги в войне 1812 года, два ордена святой Анны, 2-й и 3-й степени (см.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1851, д. 31. 18 л.). О нем см.: *Ханукаева И. В.* Штукенберг Иван Федорович // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 1. С. 590 — 592; и др.

⁷⁶ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1856, д. 13. Л. 5.

⁷⁷ Борис Алексеевич Враский (1795 — 1880) — государственный деятель, литератор, переводчик.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф), д. 385. Л. 8 — 9 об.

⁷⁹ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1856, д. 60. Л. 1 об.

⁸⁰ Там же. Л. 1 об. — 2 об.

⁸¹ Там же, 1857, д. 15. Л. 1 об.; Там же, 1858, д. 15. Л. 35 об.

⁸² Там же, 1858, д. 27. Л. 15.

⁸³ Там же, 1846, д. 25. Л. 1. Иван Густав Магнус Оттонович (Йохан Густав Магнус) фон Штрандман (1784 — 1842) — дипломат, переводчик на разные языки, археолог, историк, педагог.

⁸⁴ См.: Там же, 1855, д. 19. Л. 21 — 22; и др.

⁸⁵ Там же, д. 40. Л. 1.

⁸⁶ Часослов (*фр.*).

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 221 — 221 об.

⁸⁸ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1851, д. 22. Л. 11 об. — 12.

⁸⁹ В оригинале: «Эмбрика». Это ошибка писаря; имеется в виду Т. Б. Эмерик (Эмерик-Давид).

⁹⁰ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1851, д. 22. Л. 11.

⁹¹ Там же. Л. 10.

⁹² ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 263.

⁹³ См.: *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. СПб.: Тип. Имп. АН, 1842. [2], IV, 900, 4 с.

⁹⁴ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1848, д. 20. Л. 90.

⁹⁵ Там же, 1851, д. 22. Л. 3 — 3 об.

⁹⁶ Там же. Л. 3 об. — 4.

⁹⁷ Там же. Л. 2 — 2 об.

⁹⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 52, 114, 241 — 241 об.

⁹⁹ Там же. Л. 242 об.

¹⁰⁰ См.: РГИА. Ф. 472, оп. 18 (105/942), д. 35. Л. 18 об.

¹⁰¹ ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 240 об.

¹⁰² См.: РГИА. Ф. 472, оп. 18 (105/942), д. 35. Л. 40 — 44.

¹⁰³ ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 226 — 227.

¹⁰⁴ Там же. Л. 224.

¹⁰⁵ См.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1849, д. 1; Там же, 1851, д. 14; Там же, 1853, д. 57; Там же, оп. 1-а, 1850, д. 20.

¹⁰⁶ Там же, 1846, д. 34. Л. 1 — 2 об.

¹⁰⁷ Подробнее об этом см.: «Дело» московской публички // Указ. источник. С. 28 — 30.

¹⁰⁸ Степан Петрович Шевырев (1806 — 1864) — литературовед, литературный критик, поэт, переводчик с немецкого, педагог; друг и соратник М. П. Погодина, вместе с ним издавал научно-литературный журнал «Москвитянин» (1841 — 1856), участвовал в философско-литературном кружке «Общество любомудрия» (1823 — 1825), представитель правого крыла славянофилов (1840-е), академик Петербургской АН (1847).

¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 850 (С. П. Шевырев), д. 318. Л. 124 — 125.

¹¹⁰ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1850, д. 40. Л. 10.

¹¹¹ См. с. 133 наст. изд.

¹¹² ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф), д. 387. Л. 12 — 13. Курсив Одоевского.

¹¹³ Николай Васильевич Исаков (1821 — 1891) — с 1859 года попечитель Московского учебного округа, с 1863 года главный начальник военно-учебных заведений, генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии. О его участии в решении вопроса о переводе Румянцевского музея в Москву см.: *Коваль Л. М.* Российская государственная библиотека в контексте культуры // Румянцевские чтения: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Книга и культура мира в России»... С. 239 — 244.

¹¹⁴ ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф), д. 387. Л. 25 об. — 26.

¹¹⁵ Там же. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, д. 108. Л. 164 — 171 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 118 — 119 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 213 — 213 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 198.

¹¹⁹ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1852, д. 25. Л. 129 — 129 об.

¹²⁰ Там же, 1861, д. 54. Л. 6 — 6 об.

¹²¹ Антон Доминикович (Антоний) Ивановский (1823 — 1873) — юрист, историк, прозаик, переводчик с польского; в ИПБ с 1851 по 1869 годы. О нем см.: *Эльзон М. Д.* Ивановский Антон Доминикович (Антоний) // *Сотрудники Российской национальной библиотеки...* Т. 1. С. 233 — 234.

¹²² ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1863, д. 31. Л. 26; Там же, 1861, д. 54; Там же, 1862, д. 51.

¹²³ См.: Там же, 1880, д. 56; Там же, 1912, д. 34; Там же, 1913, д. 107; и др.

¹²⁴ Там же, 1861, д. 54. Л. 3 об.

¹²⁵ См.: Там же. Л. 15; и др.

¹²⁶ Там же, 1868, д. 21. Л. 1 — 1 об.

¹²⁷ Там же, 1883, д. 52. Л. 1.

¹²⁸ См.: Там же, 1880, д. 56.

¹²⁹ Там же, 1913, д. 40. Л. 6 об.